

Имран Фаикоглу



НЕВЕСТА ЛЕСА



Иногда вымысел становится реальнее
самой жизни

Имран Фаикоглу

Невеста леса.

<https://litres.ru/74691822>

SelfPub; 2026

Аннотация

Учитель наконец-то выбирается в отпуск и едет к другу, писателю Асифу, на горную дачу у самого обрыва. Пиво, картошка в золе, ночные разговоры о любви и литературе: всё обещает безмятежное лето. Но с каждым днём Асиф всё больше напоминает человека, который ждёт беды, а привычный мир вокруг начинает давать трещины.

Эта история о том, что прошлое не остаётся на полке, а слова и придуманные нами судьбы иногда возвращаются за расплатой.

Имран Фаикоглу

Невеста леса.

Невеста леса.

Посвящается моей супруге и моему другу. А ещё — моему отцу. Если он прочитает эту повесть на небесах, я буду рад!

Имран Фаикоглу.

«И сказал Господь: что ты сделал? голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли».

Бытие 4:10

«Отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскоми-на».

Книга пророка Иезекииля 18:2

«Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: "Мне отмщение, Я воздам"».

Послание к Римлянам 12:19

1

Эта история началась много лет назад и до сих пор ещё не подошла к концу.

Я сидел в кресле-качалке у отвесной скалы и перескакивал глазами с одного облака на другое. Иногда мне приходила в голову странная мысль: где бы найти второе такое кресло, поставить его возле другого, ещё более крутого обрыва и попробовать передать кому-нибудь всю диковинную красоту, которая открывалась передо мной?

Скала уступами спускалась к долине, а далеко внизу, словно тонкая серебряная нитка, блестела река. По утрам над ней поднимался туман, а ближе к полудню исчезал, и тогда казалось, будто вся долина лежит на ладони. Слева темнел лес, справа поднимались голые каменные склоны. Иногда из-за гор появлялись орлы и долго кружили над пропастью.

Я, учитель, который наконец-то выбрался в долгожданный отпуск, оказался на краю обрыва, на даче моего давнего друга Асифа. Это был небольшой земельный участок, с трёх сторон огороженный деревянным забором, с маленьким, но уютным летним домиком, прятавшимся в тени огромной чинары. Четвёртой стороной участок упирался в обрыв.

Упоённый умиротворением, которое дарил мне этот пейзаж, я тотчас же попросил Асифа – а больше обратиться тут было не к кому – помочь передвинуть массивное старое кресло-качалку с давно облезшей обивкой к самому краю пропасти.

И вот я уселся перед этой обнажённой, нетронутой природой, решив хотя бы на время забыть обо всём на свете.

Асиф, как и я, был заядлым холостяком. Родился он в этой

же деревне, в этом самом домишке, но уже будучи подростком перебрался в столицу, где начал кутить и дебоширить, а утром после опохмела писать книги. Будучи единственным ребенком в семье, после смерти отца он унаследовал землю вместе с домом и с тех пор приезжал сюда лишь летом — попить пивка, позагорать и провести время с очередной девицей.

Когда Асиф был маленьким, обрыв ограждала сетка-рабица. Но с годами она окончательно прогнила, провисла и теперь лежала, кое-как скрученная, возле забора.

К тридцати пяти годам Асиф успел написать роман, о котором несколько месяцев говорили люди, привыкшие обсуждать исключительно литературу и самих себя. Его приглашали на вечера, просили дать интервью, называли голосом поколения, хотя само поколение, казалось, об этом даже не подозревало.

Успех пришёл к нему внезапно и как-то не по размеру. Будто ему подарили дорогое пальто, которым он какое-то время любовался перед зеркалом, не замечая, насколько трагически нелепо оно на нём сидит.

Вроде бы, жизнь складывалась именно так, как он когда-то мечтал: гастроли, публичные читки перед аудиториями прыщавых студентов, скромные и не очень поклонницы.

Надо признать, Асиф и впрямь был недурён собой. Широкие плечи венчала самая обыкновенная голова, зато ум отличался редкой остротой. Иначе трудно объяснить, каким об-

разом он всё же сумел понять, чего ему не хватает.

А не хватало ему банального внимания. Да, именно так он и сказал:

— Не хватает, — говорит, — простого человеческого внимания.

Я тогда даже не сразу нашёлся с ответом. Куда уж больше внимания к его персоне, если вокруг него и без того стоял почти хищный ажиотаж: взгляды, обсуждения, случайные знакомства, намеренные улыбки, люди, которые словно заранее знали его имя. Я же был для него своего рода Санчо, пока хитроумный идальго отбивался от назойливых книголюбов, как от ветряных мельниц.

Книжки его меня совсем не интересовали, поэтому и делить со мной было нечего. Конечно, Асиф почитывал мне свои повести, и я внимал не без удовольствия. Он умел рассказывать так, что даже самый обыкновенный случай приобретал какой-то особенный смысл. Я слушал, иногда перебивал, задавал вопросы, но никогда не пытался изображать из себя знатока. Мне хватало того, что он был доволен, когда заканчивал очередную главу и видел, что я не уснул.

К тому же у меня получалось говорить ему правду, и чаще всего выходило даже не швыряться ею, как мокрой тряпкой, а осторожно накрывать его, словно пледом.

Асиф ведь был человеком куда более ранимым, чем хотел казаться. Он мог часами рассуждать о человеческой глупости, с лёгкостью высмеивать чужие недостатки и с видом

знатока объяснять, почему очередная книга не стоит потраченной на неё бумаги. Но стоило кому-нибудь сказать что-то нелестное о нём самом, как вся его бравада куда-то испарялась.

Впрочем, в последнее время даже мне приходилось нелегко. Асиф словно утратил способность смеяться над собой, а ведь прежде именно это качество не раз выручало его в самых нелепых обстоятельствах. Теперь же любая неудача приобретала в его глазах размеры катастрофы, и мне оставалось лишь надеяться, что здешняя тишина, лес и река внизу постепенно вернут ему прежний нрав.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.